

fałnej sławie i fortunie z herbownych znaków [...] Jana Mazepy [...] szczęśliwy omen biorąca» (Czerńhów, 1688).

Работы обоих украинских авторов Ф. Орлика и Я. Орновского как с точки зрения типографической, издательской, так и содержания, а также стилистической, представляют собой типичные образцы литературы барокко. Их творцы, воспитанные в кругу Могилянской коллегии, широко используют правила школьной поэтики и риторики, прививаемые в коллегии в течение ряда десятилетий преподавателями — теоретиками и практиками, вместе с запасом средств, типичных для польской и украинской поэзии XVII в. Находим здесь и характерные развернутые заглавия, и скудость проблематики и содержания, которую должна уравнивать претенциозно развиваемая панегирическая тема, пристрастие к странным образно-поэтическим средствам, находящее свое выражение в сильно макаронизованном, полном варваризмов и античной лексики языке. Здесь нет недостатка и в характерных для сочинений этого типа особенностях, как например «визуальность» стиля: тесная связь текста, изобилующего образными, пластическими элементами, с графической стороной, со знаком или иллюстрацией, — это все указывает на близость этой поэзии к эмблематике барокко с ее влечением к описательному стихотворству, охотно оперирующему такими элементами, как символика небесных тел или знаков зодиака, описание герба и его переносная, обращающаяся к мифологии, истории или религии интерпретация. Наконец, здесь есть типичное сочетание прозаических и поэтических текстов, польского и латинского языков, христианства и мифологии, а также характерная склонность к формалистическим как стилистическим, так и стихотворным штучкам: метрическая дифференциация стихотворений, «курьезное» стихотворство (например, в сочинении «*Aldices Rossijski*»: «эхо», фигурное стихотворение, несколько типов акrostиха), изысканная строфика (октава) и т. д.

Издания эти не имеют, конечно, художественной ценности. Запас мыслей и чувств в них совершенно ничтожен, тем не менее они представляют собой интересные документы литературы того времени, черты и особенности которой распространялись в свое время не только на польских и украинских землях, но и на территории московской Руси, а потом России в XVIII в.

С этой точки зрения еще большего внимания заслуживает несколько работ — также с территории украинских земель, которые опубликовал в 1685—1691 гг. Стефан Яворский. Их автор и издатель, известный в то время проповедник и преподаватель Киевской академии, теоретик и стихотворец, позднее же — рязанский митрополит и экзарх патриаршего престола, был типичным выразителем интеллектуального уровня, а также литературных представлений и эстетических вкусов людей своего круга, отсюда его литературные работы, предшествовавшие более позднему творчеству времени пребывания в Москве, это незаменимый источник, позволяющий воспринимать интеллектуальные особенности как самого поэта, так и его ближайшего и более отдаленного окружения. Между тем писательское наследие Яворского, малоизвестное сегодня, рассеялось и забылось, а предпринятые попытки изучить его или, по крайней мере, предварительно описать натолкнулись на серьезные трудности.⁶ Работы же, о которых идет речь, сейчас принадлежат к настоящим библиографическим редкостям, их не найти даже в самых больших библиотеках как в СССР, так и в Польше, не отмечают их и самые серьезные и наиболее подробные библиографии. Так, например, «*Bibliografia polska*» Кароля Эстрейхера регистрирует только одно заглавие,⁷ цитируемые же здесь работы Быковой и Гуревича описывают только два его издания. П. Н. Берков, работая над своим трудом, посвященным литературным связям России и Польши в XVIII в., знал о двух публикациях Яворского, но в бога-

⁶ См.: П. Н. Берков. Русско-польские литературные связи в XVIII в. М., 1958, стр. 16—17.

⁷ K. E. Streicher. Bibliografia polska, t. XVIII, s. 517.